

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 (25)

2018

Главный редакторчлен-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:****Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)**И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2018

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2018

© Журнал «Поволжская археология», 2018

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

- R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. A. Vybornov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **M. Sh. Galimova**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2018

© Mari State University, 2018

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Междисциплинарные исследования первобытных памятников

Галимова М.Ш. (Казань, Россия), Березина Н.С., Березин А.Ю. (Чебоксары, Россия)
 Стоянка финального палеолита Беганчик в устье Камы (результаты исследований 2013 года) 8

Бахшиев И.И. (Уфа, Россия), Носкевич В.В. (Екатеринбург, Россия), Насретдинов. Р.Р. (Уфа, Россия)
 Геофизические и дистанционные исследования укрепленного поселения эпохи бронзы Улак-1 в Башкирском Зауралье: соотношение полученных данных с результатами археологических раскопок 30

Гольева А.А. (Москва, Россия), Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. (Уфа, Россия)
 Проблематика палеоэкологических реконструкций экспонированных культурных слоев длительного постселитебного функционирования (на примере памятников эпохи поздней бронзы Республики Башкортостан)..... 45

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. (Самара, Россия)
 Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский Мыс 58

Чижевский А.А. (Казань, Россия), Антипина Е.Е. (Москва, Россия), Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. (Казань, Россия)
 Коллекции раннего железного века из собрания Археологического Музея Казанского (Приволжского) федерального университета 68

Овсянников В.В., Курманов Р.Г. (Уфа, Россия)
 Палинологическое исследование культурного слоя Бирского поселения 88

Бейсенов А.З. (Алматы, Казахстан), Торгоев А.И. (Санкт-Петербург, Россия), Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. (Алматы, Казахстан)
 Курган с «Усами» Атасу-2 103

Реконструкции первобытных технологий и трудовых операций

Жилин М.Г. (Москва, Россия), Косорукова Н.В. (Череповец, Россия)
 Предметы вооружения из кости из мезолитической стоянки Погостище 15 (типология, технология изготовления, следы использования) 118

Карманов В.Н. (Сыктывкар, Россия), Гиря Е.Ю. (Санкт-Петербург, Россия)
 Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым Ыб (Средняя Вычегода, Республика Коми)..... 139

Голубева Е.Н. (Казань, Россия)
 Каменные орудия труда из энеолитического жилища раскопа № 2 на Игимской стоянке (по результатам трасологического исследования)..... 156

Борзунов В.А. (Екатеринбург, Россия)
 Варианты реконструкции стационарных жилищ конца бронзового – начала железного века западносибирской тайги 169

Медведева П.С. (Челябинск, Россия)
 Ткани Аркаима 191

Археологические исследования первобытной эпохи и раннего железного века

<i>Зоров Ю.Н. (Ростов-на-Дону, Россия), Колесник А.В. (Донецк, Украина), Очередной А.К. (Санкт-Петербург, Россия)</i>	
Следы палеолита на южном берегу Таганрогского залива и в дельте Дона.....	208
<i>Мороз В.В. (Донецк, Украина)</i>	
Новые следы среднего палеолита в Донбассе.....	221
<i>Истомина Т.В. (Торонто, Канада), Макаров А.С. (Сыктывкар, Россия)</i>	
Ласта VIII – опорный памятник эпохи раннего металла на р. Ижме (Республика Коми).....	229
<i>Лыганов А.В., Хамзин Р.Н., Галимова М.Ш. (Казань, Россия)</i>	
Материалы эпохи раннего металла Исаковского городища на реке Свияга	242
<i>Шипилов А.В. (Казань, Россия)</i>	
Характеристика каменного инструментария позднего энеолита в Икско-Бельском междуречье	258
<i>Хуснутдинов Э.А., Шайхулахметов А.А. (Казань, Россия)</i>	
Пластинчатые бронзовые гривны финала эпохи бронзы – начала раннего железного века	279
<i>Оруджов Э.И. (Казань, Россия)</i>	
Особенности материальной культуры ананьинской культуры гребенчато- шнуровой керамики бассейнов рек Вятка и Ветлуга.....	288
<i>Купцова Л.В., Файзуллин И.А., Крюкова Е.А. (Оренбург, Россия)</i>	
Памятник эпохи поздней – финальной бронзы в Западном Оренбуржье (курганный могильник у с. Каменка).....	299
<i>Бугров Д.Г. (Казань, Россия), Мясников Н.С. (Чебоксары, Россия)</i>	
Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд.....	314

Критика и библиография

<i>Ставицкий В.В. (Пенза, Россия)</i>	
Рецензия на монографию в журнале: Новиков А.В. Поселения с гребенчато- шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология Евразийских Степей. 2018. № 2. С. 7–289, 402.	336

Хроника

<i>Крыласова Н.Б., Сарапулов А.Н. (Пермь, Россия)</i>	
К юбилею профессора Андрея Михайловича Белавина	344
<i>Руденко К.А., Казаков Е.П. (Казань, Россия)</i>	
Наталья Дмитриевна Аксенова (к юбилею ученого).....	350
<i>Асылгараева Г.Ш., Чижевский А.А. (Казань, Россия)</i>	
К юбилею Мадины Шакировны Галимовой	355
Список сокращений	360
Правила для авторов	363

CONTENTS

Interdisciplinary Studies of Prehistoric Archaeological Sites

Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation), Berezina N.S., Berezin A. Yu. (Cheboksary, Russian Federation)
 Final Palaeolithic Site Beganchik at the Mouth of the Kama River
 (Research Results 2013)..... 8

Bakhshiev I.I. (Ufa, Russian Federation), Noskevich V.V. (Ekaterinburg, Russian Federation), Nasretdinov R.R. (Ufa, Russian Federation)
 Geophysical and Remote Studies of the Ulak-1 Fortified Settlement
 of the Bronze Age in Bashkir Trans-Urals: the Correlation
 of the Obtained Data with the Results of the Archaeological Excavations..... 30

Golyeva A.A. (Moscow, Russian Federation), Shuteleva I.A., Shcherbakov N.B. (Ufa, Russian Federation)
 Problematics of Paleoecological Reconstructions Based on Exposed Cultural Layers
 of Long-Term Post-Silent Functioning (on the Example of the Monuments
 of the Later Bronze Epoches of the Republic of Bashkortostan)..... 45

Korolev A.I., Kochkina A.F., Stashenkov D.A., Khokhlov A.A. (Samara, Russian Federation)
 Extraordinary Burial of the Eneolithic Burial Ground Ekaterinovsky Cape 58

Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation), Antipina E.E. (Moscow, Russian Federation), Asylgaraeva G.Sh., Nuretdinova A.R. (Kazan, Russian Federation)
 Assamblages of the Early Iron Age from the Collection of
 Archaeological Museum of Kazan (Volga Region) Federal University..... 68

Ovsyannikov V.V., Kurmanov R.G. (Ufa, Russian Federation)
 Palynological Studies of Cultural Layers of the Settlement Birsik 88

Beisenov A.Z. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Torgoev A.I. (Saint Petersburg, Russian Federation), Duysenbai D.B., Akhiyarov I.K. (Almaty, Republic of Kazakhstan)
 The Mound with “Mustaches” Atasu-2 103

Reconstructions of Prehistoric Technologies and Working Operations

Zhilin M.G. (Moscow, Russian Federation), Kosorukova N.V. (Cherepovets, Russian Federation)
 Bone Weapons from Mesolithic Site Pogostische 15 (Typology, Technology of
 Manufacture, Use-Wear Traces)..... 118

Karmanov V.N. (Syktyvkar, Russian Federation), Giria E.Yu. (Saint Petersburg, Russian Federation)
 Artifacts with General Non-Utilitarian Wear Traces in the Assemblage of the
 Eneolithic Flint Workshop Ugdyim Ib (The Middle Vychegda, Republic of Komi) 139

Golubeva E.N. (Kazan, Russian Federation)
 Stone Tools from the Eneolithic Dwelling of Excavation 2 in Igim Settlement
 (According to the Results of Trasological Analysis)..... 156

Borzunov V.A. (Yekaterinburg, Russian Federation)
 Variants of Reconstruction of Stationary Dwellings of end of Bronze Age –
 Beginning of the Iron Age in the Western Siberian Taiga..... 169

<i>Medvedeva P.S. (Chelyabinsk, Russian Federation)</i>	
Arkaim Textile	191

Archaeological Studies of Prehistoric Era and the Early Iron Age

<i>Zorov Y.N. (Rostov-on-Don, Russian Federation), Kolesnik A.V. (Donetsk, Ukraine), Ocherednoy A.K. (Saint Petersburg, Russian Federation)</i>	
New Evident of the Paleolithic in a Southern Coast of the Taganrog Bay and the Delta of the Don River.....	208
<i>Moroz V.V. (Donetsk, Ukraine)</i>	
Recent Traces of Palaeolithic in the Donbass Region	221
<i>Istomina T.V. (Toronto, Canada), Makarov A.S. (Syktyvkar, Russian Federation)</i>	
Lasta VIII – the basic Eneolithic site on the Pizhma River (Komi Republic)	229
<i>Lyganov A.V., Khamzin R.N., Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Materials of the Eneolithic from the Isakovo hillfort on the Sviyaga River.....	242
<i>Shipilov A.V. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Characteristics of stone toll-kit of the Late Eneolithic in the Ik and Belaya interfluve	258
<i>Khusnutdinov E.A., Shaykhulakhmetov A.A. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Lamellar bronze grivna of the Final Bronze – Beginning Early Iron Ages	279
<i>Orudzhov E.I. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Material culture features of the Ananyino combed-corded wear culture in the Vyatka and Vetluga basins.....	288
<i>Kuptsova L.V., Faizullin I.A., Krukova E.A. (Orenburg, Russian Federation)</i>	
Monument of the Late – Final Bronze Age in West Part of the Orenburg Region (Burial Mound Near the Kamenka Village)	299
<i>Bugrov D.G. (Kazan, Russian Federation), Myasnikov N.S. (Cheboksary, Russian Federation)</i>	
Some issues in defining “ethnic and cultural components” of the Andreevka-Piseraly type of sites: burial rite	314

Kritics and Bibliography

<i>Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation)</i>	
Review of the Monograph in the Journal: Novikov A. V. Settlements with Comb-Corded and Corded Ceramics of the Early Iron Age from the Kostroma Volga Region // <i>Archaeology of the Eurasian Steppes</i> . 2018, № 2. P. 7–289.	336

Chronicle

<i>Krylasova N.B., Sarapulov A.N. (Perm, Russian Federation)</i>	
For the Jubilee of Professor Andrey Mikhailovich Belavin.....	344
<i>Rudenko K.A., Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Natalia Dmitrievna Aksenova (For the Jubilee of the Scholar)	350
<i>Asylgaraeva G.Sh., Chizhevsky A.A. (Kazan Russian Federation)</i>	
For the Jubilee of Madina Shakirovna Galimova	355
List of Abbreviations.	360
Submissions.	363

УДК 902, 903.5

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.314.335>

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ «ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ» ПАМЯТНИКОВ АНДРЕЕВСКО-ПИСЕРАЛЬСКОГО ТИПА: ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД¹

© 2018 г. Д.Г. Бугров, Н.С. Мясников

Авторами рассматривается проблема происхождения основных элементов погребального обряда могильников андреевско-писеральского типа (АПТ). Существующие концепции генезиса древностей АПТ сводятся к взаимодействию двух «этнокультурных компонентов» (или групп компонентов): «местного» и «пришлого». Происхождение последнего долгое время связывали с сарматами. «Сарматская» гипотеза была подвергнута справедливой критике Г.И. Матвеевой и С.Э. Зубовым. Предложенная последним альтернативная концепция зауральского (саргатского) «военного выплеска» как основы сложения памятников АПТ базируется на сходстве погребального обряда саргатских и андреевских памятников и на сегодняшний день считается «общепризнанной». По мнению авторов, это во многом обусловлено отсутствием детальной критики ее положений. Предпринятая попытка верифицировать аргументы в пользу этой концепции показала, что большинство привлекаемых аналогий неточны, ошибочны или настолько широко распространены, что не могут быть связаны исключительно с саргатской культурой. В качестве возможной альтернативы «саргатскому военному выплеску» предлагается рабочая гипотеза о формировании обсуждаемых элементов погребального обряда АПТ в результате развития или реминисценции традиций населения Верхнего и Среднего Подонья скифского и сарматского времени.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, финал раннего железного века, памятники андреевско-писеральского типа, генезис, культурные компоненты, погребальный обряд.

Изучение андреевско-писеральского феномена имеет не особо длительную (1958 г. – первые исследования, 1962 г. – первая публикация (Халиков, 1962, с. 116–138)), но весьма бурную историю. Перипетии этой истории и многообразии точек зрения на проблему генезиса памятников андреевско-писеральского типа¹ (АПТ), сформировавшихся за истекшие 60

лет, неоднократно освещались в литературе (последний по времени обзор см. (Зубов, 2018), более полный по охвату – (Ставицкий, 2017); там библиография вопроса). Существующие концепции генезиса памятников АПТ в общем сводятся к взаимодействию двух «этнокультурных компонентов» (или, скорее, групп компонентов): «местного» и «пришлого» (при неопределенном положении в этой системе «пьяноборской»)² состав-

¹ Статья представляет собой часть доклада, прочитанного авторами на Всероссийской научной конференции «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.» в г. Болгар 4.10.2016 г. (Бугров и др., 2017, с. 352).

² Понимая «пьяноборский» в узком смысле, как относящийся к памятникам бассейна Нижней Белой и восточной части Нижнего Прикамья рубежа и первых веков нашей эры, обозначаемым также

ляющей: ее то включали в «местный компонент», то относили к «пришлому»).

По поводу «пришлого» компонента с момента первых публикаций памятников АПТ господствовала точка зрения о его сарматском происхождении (Степанов, 1980, с. 47; Архипов, 1976, с. 33–34; Зеленева, 1988, с. 81–84; Смирнов К.А., 1992; Вихляев, 2000, с. 51–52)³. «Сарматская» концепция была подвергнута справедливой критике со стороны Г.И. Матвеевой (2003, с. 287–289) и С.Э. Зубова (Гришаков, Зубов, 2009, с. 74–84; Зубов, 2011, с. 93–106)⁴, которые предложили альтернативу – пшеворско-зауральскую (Матвеева Г.И., 1986, с. 158–160; 2003, с. 289–290) или зауральскую, гороховско-саргатскую (Зубов, 1999; 2011, с. 109–112). Если гипотеза об участии «западного» компонента в генезисе древностей АПТ

как «чегандинская культура» (Генинг, 1970), «икская и афонинская стадии чегандинской» (Голдина, 2004, с. 218) или «икский и ныргындинский этапы тарасовской культуры» (Голдина, Лещинская, 2018, с. 19).

³ Исключение составляла точка зрения А.Х. Халикова, сначала видевшего в «пришлом» компоненте пьяноборское население, «одновременно и крупным массивом» вышедшее в Западное Поволжье (Халиков, 1962, с. 133–138), а позже, в рамках своей концепции «ранней тюркизации края», определявшего его как смешанное тюркоязычное гунно-сармато-пьяноборское население или тюркоязычных же «проточуваш», генетически связанных с населением РЖВ Южной и Западной Сибири (Халиков, 1986, с. 75; 1987, с. 11–17).

⁴ Ввиду идентичности аргументации по рассматриваемой проблеме в (Гришаков, Зубов, 2009) и (Зубов, 2011) далее цитирование и ссылки даются по более поздней, дополненной работе.

либо отмечается как «декларативная» (Зубов, 2011, с. 92, 116), либо сводится к объяснению обилия «западных» вещей в Андреевке и, в меньшей степени, в Пильне и Писералах результатами «военной активности андреевцев» (Ставицкий, 2013, с. 134–138; 2017), то «восточная» концепция о зауральском (саргатском) «военном выплеске» (или серии «выплесков») как основе сложения памятников АПТ (Зубов, 2011, с. 109–112, 117–119) на сегодняшний день принята большинством археологов, занимающихся этой проблемой, и фигурирует в литературе как «общепризнанная». Как нам представляется, ее «общепризнанность» во многом обусловлена отсутствием детальной критики. В докладе на «I Старостинских чтениях» нами была предпринята попытка верифицировать аргументы уважаемых коллег и обозначить проблемы, возникающие при рассмотрении феномена АПТ с этой точки зрения⁵.

Поскольку еще Г.И. Матвеева, указывая на отсутствие предметов зауральского происхождения в материальной культуре не только Андреевского, но и заявленного как промежуточный пункт «выпеска» Кипчаковского I могильника, считала, что роль гороховско-саргатского компонента в сложении памятников АПТ «сильно преувеличена», (Матвеева Г.И., 2003, с. 292), С.Э. Зубов для

⁵ Ограниченный объем статьи позволяет рассмотреть лишь часть аргументов в пользу «восточной» концепции, связанную с погребальным обрядом могильников АПТ; обзор проблем, связанных с материальной культурой и касающихся как «восточной», так и «западной» и «местной» составляющих андреевско-писеральского феномена, предполагается в последующих публикациях.

обоснования линии преемственности «саргатка – Кипчаково – Андреевка» использовал сравнение элементов погребального обряда по тем же позициям, по которым критиковал «сарматскую» концепцию (Зубов, 2011, с. 95–99). Попробуем последовательно верифицировать его аргументы (сохранив оригинальную структуру, нomenclатуру и нумерацию перечня):

1.1. Захоронения под курганной насыпью, несомненно, не являются эксклюзивной особенностью сарматских культур, но и не относятся исключительно к саргатской традиции. Сам же С.Э. Зубов совершенно справедливо заметил, что обычай возведения кургана над погребением широко бытовал на протяжении всего РЖВ, и не только в степи (Зубов, 2011, с. 96)⁶. Поэтому само по себе наличие обряда подкурганного захоронения может, в лучшем случае, маркировать вероятное инокультурное воздействие на население лесной полосы Восточной Европы, но никак не служить основа-

нием для точного определения источника этого воздействия.

1.2. Подкурганные захоронения в глубоких могилах с плечиками с меридиональной ориентировкой (северный сектор), действительно, широко представлены в саргатских могильниках втор. пол. III в. до н. э. – II в. н. э. (2 и 3 хронологические группы по Л.Н. Коряковой (1988, с. 130–132)⁷). Но непременно саргатское происхождение этих элементов погребального обряда в могильниках АПТ неочевидно.

Крупные и глубокие могильные сооружения (независимо от их типа), кроме саргатских, выделяются практически у всех курганных культур степной и лесостепной полосы Восточной Европы, и их крупный размер не рассматривается исследователями как «этнокультурный признак», а связывается с социальным статусом погребенных (Петренко В.Г., 1989, с. 69, 70, 72; Смирнов К.Ф., 1989, с. 171; Сергацков, 2002, с. 94; Медведев, 2004, с. 33), либо, кроме того, с их количеством⁸ (Корякова, 1977, с. 143;

⁶ Здесь любопытно отметить (в связи с вопросом о происхождении курганного обряда ключевого для «восточной» концепции Кипчаковского I могильника), что, перечисляя курганные некрополи лесостепной и лесной зоны конца I тыс. до н. э. – пер. пол. I тыс. н. э. (вплоть до экзотических «курганов седлеминого типа на территории пшеворской культуры»), С.Э. Зубов обходит молчанием синхронные айским и Шиповским курганам (или несколько более поздние) раннесарматские могильники в среднем и нижнем течении р. Белой: Леканды, Бишунгарово, Старые Киишки (Пшеничнюк, 1983, с. 14–17, 18–33, 102, табл. 2), Атасово (Васильев, 1973); последний расположен по широте севернее не только упомянутых айских и Шиповских курганов, но и собственно Кипчакова.

⁷ С.Э. Зубов в этом контексте ссылается на другие публикации, но детальное рассмотрение подразумевавшихся им аналогий затруднено тем, что ссылки на работы М.Г. Мошковой, В.Ф. Генинга, В.А. Могильникова и Н.П. Матвеевой он дает в целом, без уточнения памятников и комплексов (Зубов, 2011, с. 96).

⁸ В связи с последним, на наш взгляд, интересно, что из ранних погребений АПТ (группа 2 Андреевки по В.В. Гришакову и С.Э. Зубову и Ст. Ардатово, без учета погребения Андреевка, 25, экстраординарного по размерам и составу захороненных) в категорию «больших» по градации Н.П. Матвеевой (2000, с. 122) попадают только парные захоронения (Андреевка, 37–41, 38–39, 50–51); самые крупные из одиночных (Андреевка, 56

1988, с. 49). Сравнение доли крупных и глубоких погребений в рассматриваемых выборках (в тех случаях, когда мы располагаем статистикой) (Корякова, 1988, с. 49; Матвеева Н.П., 2000, с. 129–130; Сергацков, 2002, с. 94; Медведев, 2004, с. 32) не демонстрирует какого-то особого преобладания их именно в могильниках саргатской культуры.

Могильные ямы с заплечиками считаются типичными для саргатских погребений (Корякова, 1977, с. 144; 1988, с. 49; Матвеева Н.П., 1993, с. 136; 1994, с. 115), но распределяются неравномерно в пространстве и времени: для 2-й хронологической группы по Л.Н. Коряковой (втор. пол. III – нач. II вв. до н. э.) на Иртыше и Тоболе они составляют соответственно 10 и 11,6%, на Ишиме – 44,5% (Корякова, 1988, с. 130), для 3-й группы (втор. пол. II в. до н. э. – II в. н. э.) – 23% на Тоболе и 36% на Ишиме (там же, с. 131). Присутствуют они и на раннесарматских могильниках (Смирнов К.Ф., 1989, с. 171–172), составляя в III–I вв. до н. э. от 6,7% погребений в Приуралье до 3,8% на Нижнем Дону и 1,5% в правобережье Волги (Скрипкин, 1997, с. 182), и, хоть и редко, встречаются в среднесарматских курганах (Мошкова, 1989, с. 178; Сергацков, 2002, с. 93). Использовались ямы с заплечиками (тип 8, варианты 2–3 погребальных сооружений по Д.С. Гречко) и населением лесостепи и степи скифского времени (Гречко, 2009, с. 64).

и Ст. Ардатово) не выходят за пределы «средних» (объем одиночного погребения Андреевка, 54, по габаритам как будто попадающего в категорию «больших», не может быть адекватно рассчитан из-за неполного описания формы и размеров).

Просеверная ориентировка преобладает в саргатских курганах (Корякова, 1988, с. 50, 130–132; Матвеева Н.П., 1993, с. 137, табл. 48; 1994, с. 114), является господствующей во всех могильниках АПТ, кроме Писеральского и Староардатовского (Зубов, 2011, с. 37–42, табл. 1–6) и практически отсутствует в ранне- и среднесарматских погребениях степной полосы (Смирнов К.Ф., 1989, с. 171; Мошкова, 1989, с. 179; Скрипкин, 1997, с. 183; Сергацков, 2002, с. 94). Однако у населения лесостепи северо-восточная ориентировка (идентичная 1 и 2 группе погребений Андреевки) была весьма распространена (до 34%) в скифское время на Среднем Дону (Петренко В.Г., 1989, с. 80; Медведев, 2004, с. 32) и абсолютно господствовала (до 85%) в сарматское время на Верхнем Дону (Медведев, 2008, с. 94).

2. Расположение могил вокруг центрального погребения появляется в саргатских курганах 2-й хронологической группы и массово бытует в памятниках 3-й⁹ (Корякова, 1988, с. 130, 131; Матвеева Н.П., 1994, с. 113). В раннесарматских могильниках III–I вв. до н. э. кольцевое расположение могил зафиксировано в 78,1 % курганов Южного Приуралья и от 56,7 до 14% в других регионах, за исключением Прикубанья (Скрипкин, 1997. С. 182). В могильниках АПТ такое расположение могил имеет место только в Писералах, а в

⁹ Не составляя, однако, 80%, как пишет С.Э. Зубов (2011, с. 97); эта цифра у Л.Н. Коряковой (1988, с. 131) характеризует процент многомогильных курганов в целом, без разделения на имеющие кольцевое или групповое расположение периферийных могил.

Андреевке скорее можно говорить о рядном расположении «грунтовых» погребений относительно центральной могилы. Это более напоминает традиции ранних сармат Нижнего Дона и Кубани, где 30-32% курганов имеют параллельное расположение погребений (Скрипкин, 1997. С. 182). Многочисленность периферийных («грунтовых») и впускных погребений Андреевского кургана также находит аналогии как у ранних сармат, так и у саргатцев. В раннесарматских могильниках III–I вв. до н.э. преобладают «курганы-кладбища» с погребениями, впущенными в насыпи эпохи бронзы (в Заволжье – до 84,6% курганов, в Калмыкии – все 100%) или (в Приуралье) в синхронные курганы (87,3%); для этих же регионов характерно количество впускных погребений, превышающее 10 (60,1% курганов Приуралья, 55,3% – Заволжья) (Скрипкин, 1997, с. 181). В саргатских курганах 2-й хроногруппы обычно не встречалось более 5 погребений (Корякова, 1988, с.130), позже их количество доходит до 12–15 (Корякова, 1988, с.48; Матвеева Н.П., 1994, с. 113; 2000, с. 128); при этом саргатцы практиковали совершение периферийных захоронений до сооружения насыпи (Матвеева, 1993, с. 136; 1994, с. 114), и лишь на 3-м этапе и в основном на Иртыше распространяется обычай впускать погребения в насыпь (Корякова, 1988, с. 131). Это как будто сближает данный элемент саргатского погребального ритуала с имеющимися версиями реконструкции порядка возведения Андреевского и Клипкинского курганов (Степанов, 1980, с. 13; Архипов, Шадрин, 1995, с.111; Гришаков, Зубов, 2009, с. 32) – насколько качество исходных данных позволяет

доверять этим реконструкциям.

3. Деревянные конструкции в могилах по С.Э. Зубову (2011, с. 97–98) включают столбы-опоры перекрытия, деревянную облицовку стенок погребальной камеры и канавки от настила на дне могилы. Полный их набор представлен в Андреевке только в п. 25 (рис. 1: 4; 2: 5) (в п. 38-39 зафиксированы канавки (рис. 2: 6) и настил на дне, в пп. 50-51 и 54 – только облицовка без уточнения ее конструктивных деталей) (Степанов, 1980, с. 12–13, 20, 21, 23). В итоге погребальное сооружение Андреевки, 25 реконструируется как гробница с деревянным перекрытием, опирающимся на заплечики и шесть столбов, расположенных двумя продольными рядами в средней части могилы, с деревянной облицовкой стенок ниже заплечиков, закрепленной кольями, и с настилом, положенным на поперечные деревянные лаги, от которых остались канавки на дне могилы (Зубов, 2011, с. 19–20).

Если сопоставлять андреевские и саргатские погребения не по факту наличия «каких-либо деревянных конструкций» (Зубов, 2011, с. 98 – ср. контекст в: Матвеева Н.П., 1994, с. 115), а по сходству реконструируемого интерьера могилы и его компонентов, перечисленных выше, то, во-первых, существенно сократится массив саргатских аналогий: вместо «половины погребений», в которых «можно констатировать содержание дерева», (Корякова, 1988, с. 49)¹⁰ и в значитель-

¹⁰ Ссылка С.Э. Зубова (2011, с. 98) на «почти половину» могил со следами деревянных конструкций, не совсем корректна: в цитируемом месте монографии Н.П. Матвеевой (1994, с. 115) речь идет не обо всей саргатской культуре, и даже не о

ной части которых деревянными были только перекрытия, достоверно остается 7,2%, в которых эти перекрытия базировались на столбовых опорах (там же)¹¹. Во-вторых, обнаружится, что расположение и в значительной степени функция столбов в погребениях саргатской культуры (рис. 1: В) отличны от таковых в Андреевке: в саргатских могилах от 4 до 14 столбов располагались в углах и попарно друг напротив друга вдоль длинных стенок (реже – и вдоль торцевых (рис. 1: 5)), служа не столько опорой перекрытия, сколько основой облицовки (Матвеева Н.П., 1994, с. 116). Столбы-опоры в середине могильной ямы в саргатских курганах принципиально отсутствуют даже в больших по площади могилах (Матвеева Н.П., 2000, рис. 67: 2; 69). Поперечные канавки в дне саргатских могильных ям («почти три десятка» случаев только в Притоболье и на Ишиме), ставшие объектом специального исследования (Матвеев, Матвеева Н.П., 1991) и темой обширного пассажа в цитированной С.Э. Зубовым публикации (Матвеева Н.П., 1994, с.

памятниках Приишимья в целом, а только о двух могильниках – Абатских 1 и 3, и доля погребений со следами дерева в них, скорее всего, лишь случайно совпадает с высчитанной Л.Н. Коряковой для культуры в целом.

¹¹ Уточнить эту цифру по сводке Н.П. Матвеевой не представляется возможным, поскольку при отборе исходных данных для статистического анализа признаки, характеризующие деревянные конструкции (кроме перекрытий), не вошли в число статистически значимых (Матвеева Н.П., 2000, с. 123–124, 126, прим. 6) и поэтому не упоминаются в монографии нигде, кроме предварительного перечня признаков и списков коэффициентов энтропии (Там же, с. 341, 346, 349–351).

115–116)¹², не сопоставимы с андреевскими (рис. 2: Г): они шире и глубже, часто с дополнительными углублениями на концах (рис. 2: 9, 11–13), в 90% случаев размещаются в погребении по две и интерпретируются как выемки под опоры погребального ложа (саркофага) или (в немногочисленных случаях одиночных канавок) – под подголовную скамейку. Ссылка С.Э. Зубова (2011, с. 98) на канавки в погребении 1 кургана 6 могильника Абатский-3 также некорректна: канавки здесь располагались между столбовыми ямками вдоль длинных стенок (рис. 1: 9) и служили для фиксации нижней кромки облицовки (Матвеева Н.П., 1994, с. 116)¹³.

Неожиданно близкие аналогии конструкции погребального сооружения Андреевки, 25 дают материалы лесостепных «скифоидных» культур. Большие по площади деревянные гробницы на столбовом каркасе, с перекрытием на столбах, расположенных в центре или по оси сооружения, с разного рода покрытием на полу (тип III по В.С. Ольховскому, типы III и IV по П.Д. Либерову и А.П. Медведеву, тип 2, вариант 2 и тип 4 по Д.С. Гречко) были широко распространены по всей лесостепи (Петренко В.Г., 1989, с. 69, 72, 75, 76;

¹² К сожалению, С.Э. Зубов (2011, с. 98) оборвал цитирование этого пассажа за пол-абзаца до начала разъяснения функции поперечных канавок в саргатских погребениях; более внимательное отношение к первоисточнику позволило бы избежать досадной ошибки.

¹³ Н.П. Матвеева почему-то приводит аналогии таким канавкам в могильниках Тагискен и Уйгарак не здесь, а страницей ранее, при описании упомянутых выше саркофагов (Матвеева Н.П., 1994, с. 115–116).

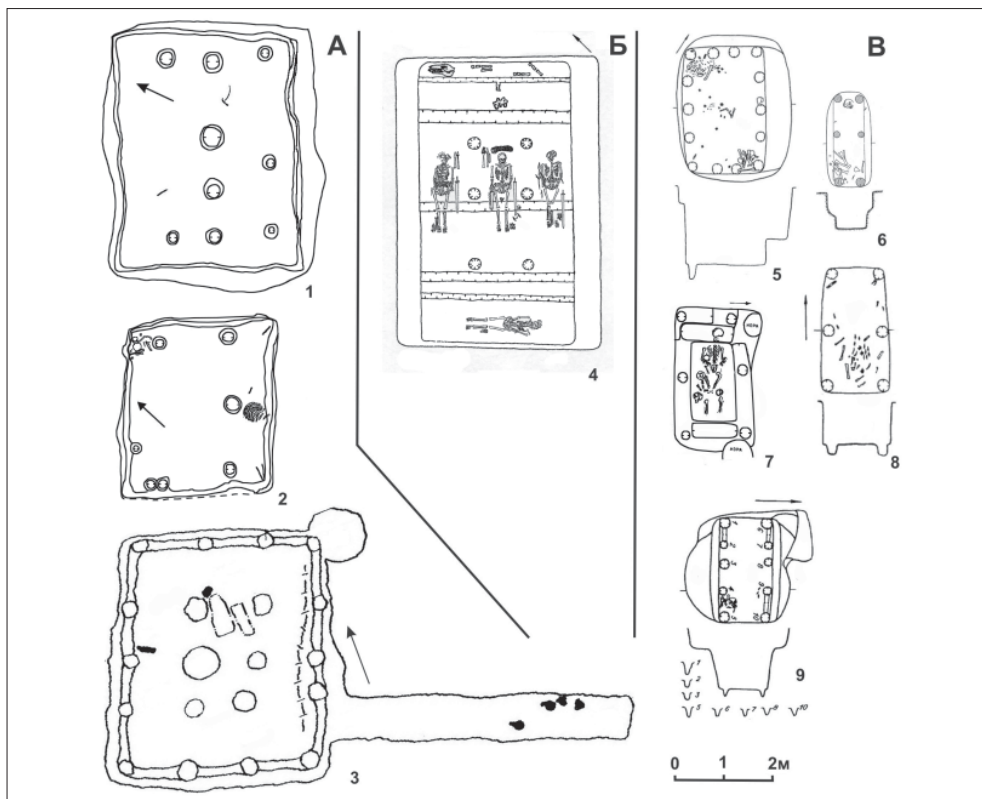

Рис. 1. Столбовые конструкции в погребальных сооружениях: А – скифских памятников Среднего Подонья; Б – памятников АПТ; В – памятников саргатской культуры. 1 – Терновое I, к. 11; 2 – Терновое I, к. 12; 3 – Терновое I, к. 5 (по: Савченко, 2001, рис. 9, 16, 17); 4 – Андреевка I, п. 25 (по: Гришаков, Зубов, 2009, рис. 11); 5 – Абатский 3, к. 1, п. 4; 6 – Абатский 3, к. 1, п. 7; 7 – Абатский 3, к. 2, п. 17; 8 – Абатский 3, к. 2, п. 14; 9 – Абатский 3, к. 6, п. 1 (по: Матвеев, Матвеева Н.П., 1991, рис. 1: 6; Матвеева Н.П., 1994, рис. 28, 38, 55; Мошкова, Генинг, 1972, рис. 1: 4).

Fig. 1. Pillar structures in burial constructions: А – Scythian sites of the Middle Don region; В – sites of the Andreevka-Piseraly type; В – sites of the Sargatka culture. 1 – Ternovoe I, s. 11; 2 – Ternovoe I, s. 12; 3 – Ternovoe I, s. 5 (Savchenko, 2001, Fig. 9, 16, 17); 4 – Andreevka I, b. 25 (Grishakov, Zubov, 2009, Fig. 11); 5 – Abatsky 3, s. 1, b. 4; 6 – Abatsky 3, s. 1, b. 7; 7 – Abatsky 3, s. 2, p. 17; 8 – Abatsky 3, s. 2, b. 14; 9 – Abatsky 3, s. 6, b. 1 (Matveev, Matveeva N.P., 1991, Fig. 1: 6; Matveeva N.P., 1994, Fig. 28, 38, 55; Moshkova, Gening, 1972, Fig. 1: 4).

Ольховский, 1991, с. 42–43; Гречко, 2009, с. 60, 63), особенно на Среднем Дону (рис. 1: А), где они составляют более 60% всех погребений (в могильнике Терновое I – Колбино I – все 100%, учитывая 4 случая сооружения таких гробниц на древней поверхности) (Либеров, 1965, с. 11–12; Савченко, 2001, с. 118–120, 126; Мед-

ведев, 2004, с. 32, 54–55) и существуют до конца скифской эпохи (рубеж IV–III – нач. III вв. до н. э.) (Ольховский, 1991, с. 151, Медведев, 2004, с. 37). В отличие от Андреевки, 25, в курганах Подонья столбы по оси могилы чаще всего располагались в один ряд, деля погребальную камеру на две половины (Савченко, 2001, с. 119), но

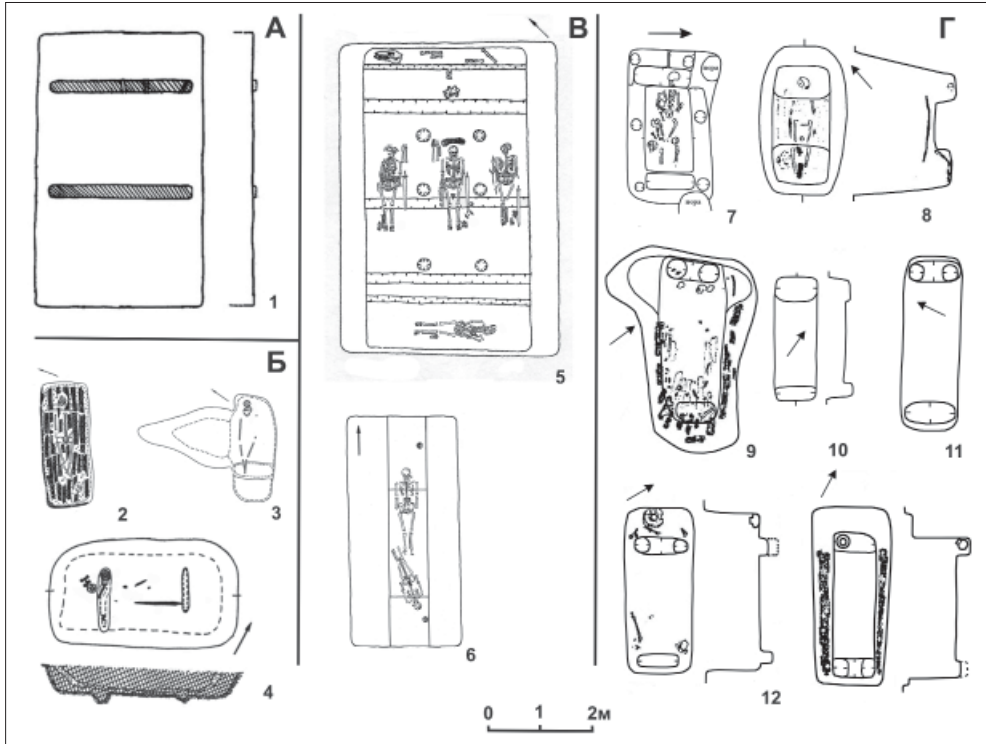

Рис. 2. «Канавки» в погребальных сооружениях: А – скифских памятников бассейна р. Ворсклы; Б – памятников сарматского времени Верхнего Подонья; В – памятников АПТ; Г – памятников саргатской культуры. 1 – тип 7 погребальных сооружений (по: Гречко, 2009, рис. 1; б/ м, б/масштаба); 2 – Ново-Никольское, к. 17; 3 – Ново-Никольское, к. 17; 4 – Вязово, к. 37 (по: Медведев, 2008, рис. 69, 74); 5 – Андреевка I, п. 25; 6 – Андреевка I, п. 38-39 (по: Гришаков, Zubov, 2009, рис. 11, 14); 7 – Абатский 3, к. 2, п. 17; 8 – Абатский 3, к. 1, п. 7; 8 – Тютрино, к. 4, п. 4; 9 – Тютрино, к. 3, п. 4; 10 – Тютрино, к. 4, п. 2; 11 – Абатский 1, к. 3, п. 5; 12 – Абатский 1, к. 3, п. 10; 13 – Абатский 1, к. 5, п. 7 (по: Матвеев, Матвеева Н.П., 1991, рис. 1).

Fig. 2. "Grooves" in burial constructions: A – Scythian sites in the Vorskla river basin; B – sites of the Sarmatian period in the Upper Don basin; В – Andreevka-Pisarely sites; G – sites of the Sargatka culture. 1 – burial constructions type 7 (Grechko, 2009, Fig. 1, not to scale); 2 – Novo-Nikolskoye, s. 18; 3 – Novo-Nikolskoye, s. 17; 4 – Vyazovo, s. 37 (Medvedev, 2008, Fig. 69, 74); 5 – Andreevka I, b. 25; 6 – Andreevka I, b. 38-39 (Grishakov, Zubov, 2009, Fig. 11, 14); 7 – Abatsky 3, s. 2, b. 17; 8 – Abatsky 3, s. 1, b. 7; 8 – Tyutrino, s. 4, b. 4; 9 – Tyutrino, s. 3, p. 4; 10 – Tyutrino, s. 4, b. 2; 11 – Abatsky 1, s. 3, p. 5; 12 – Abatsky 1, s. 3, p. 10; 13 – Abatsky 1, s. 5, b. 7 (Matveev, Matveeva N.P., 1991, Fig. 1).

эпизодически встречаются и двойные ряды столбов (рис. 1: 3) (Савченко, 2001, с. 67, рис. 9: 3; Гречко, 2009, рис. 1: Т. 4). Деревянный или лубяной настил на лагах, заглубленных в дно могилы, так же единично встречается в погребениях скифского времени на Среднем Дону (Либеров, 1965, с. 13;

Савченко, 2001, с. 120), чаще – в синхронных погребениях бассейна Ворсклы (рис. 2: 1) (Петренко В.Г., 1989, с. 75; Гречко, 2009, с. 64). Реминисценция этого элемента внутримогильных конструкций наблюдается у населения Верхнего Дона в позднесарматское время (рис. 2: Б): канавки на дне

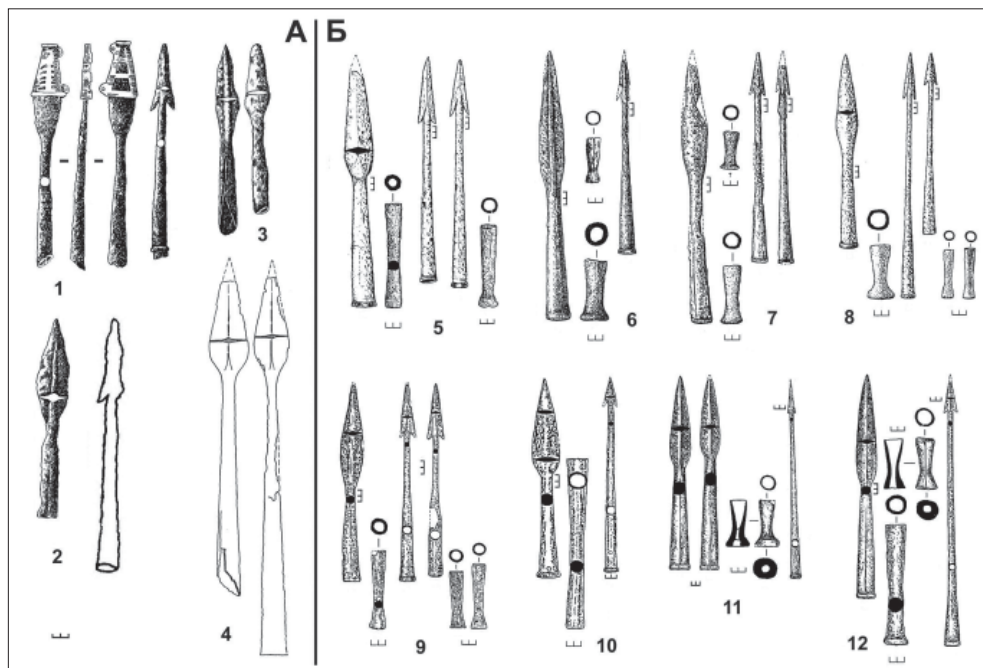

Рис. 3. Комплексы деталей древкового оружия: А – памятников АПТ; Б – скифских памятников Среднего Подонья. 1 – Андреевка I, п. 25/1; 2 – Андреевка I, п. 25/2; 3 – Андреевка I, п. 52 (по: Степанов, 1980, табл. 9, 13, 14, 36, 42); 4 – Старое Ардатово (по: Гришаков, Зубов, 2009, рис. 33); 5 – Дуровка, к. 4; 6 – Дуровка, к. 14; 7 – Дуровка, курган 16; 8 – Русская Тростянка, к. 17; 9 – Терновое I, к. 4; 10 – Терновое I, к. 12; 11 – Колбино I, к. 7; 12 – Колбино I, к.5 (по: Савченко, 2004, рис. 4–9).

Fig. 3. Complexes of polearm fragments: A – Andreevka-Pisarely sites; B – Scythian sites of the Middle Don region. 1 – Andreevka I, b. 25/1; 2 – Andreevka I, b. 25/2; 3 – Andreevka I, b. 52 (Stepanov, 1980, Table 9, 13, 14, 36, 42); 4 – Staroye Ardatovo (Grishakov, Zubov, 2009, Fig. 33); 5 – Durovka, s. 4; 6 – Durovka, s. 14; 7 – Durovka, barrow 16; 8 – Russkaya Trostyanka, s. 17; 9 – Ternovoye I, s. 4; 10 – Ternovoye I, s. 12; 11 – Kolbino I, s. 7; 12 – Kolbino I, s. 5 (Savchenko, 2004, Fig. 4–9).

могил встречены в Ново-Никольском (38 случаев) (Медведев, 1990, с. 158; 2008, с. 92–93; Бирюков, 2007, с. 179) и Вязовском (9 случаев) (Медведев, 1990, рис. 38, 40–45) могильниках.

4. Останки лошади в виде головы с конечностями или отдельных черепов, размещенные в могиле, не характерны для погребальных памятников сармат, на что совершенно справедливо указывает С.Э. Зубов (2011, с. 99). Но и в могильниках саргатской культуры помещение черепа лошади в могилу – явление настолько редкое, что это особо отмечалось ис-

следователями при публикации (Погодин, Труфанов, 1991, с. 119), а при статистической обработке погребальных памятников этот признак выпал из списка статистически значимых (Матвеева Н.П., 2000, с. 123–124, 126, прим. 6; ср. Там же, с. 342, 346, 349). Характерным для саргатской культуры является помещение в могилу «мясных» частей туши животных (таз, лопатка, конечности, ребра – независимо от вида животного, хотя лошадь в целом преобладает) в качестве заупокойной пищи, иногда на блюде и/или с ножом (Матвеева Н.П., 1993,

с. 138, табл. 50; 1994, с. 117; 2000, с. 131, 136, табл. 12–15)¹⁴. Черепа и другие кости лошадей (редко – полные скелеты), как правило, находятся в насыпи и ровиках курганов или на древней поверхности рядом с могилами и соотносятся с «архитектурным оформлением» кургана (Погодин, Труфанов, 1991, с. 119) или с поминальными действиями (Корякова, 1988, с. 51; Матвеева Н.П., 2000, с. 123–124, 131–132, 135). Пик распространения таких жертвенно-поминальных комплексов в саргатских могильниках приходится на период Е по Н.П. Матвеевой (III–V вв. н. э.), минимум – на периоды С и D (конец II в. до н. э. – II в. н. э.) (Матвеева Н.П., 1993, с. 134; 2000, с. 131, 133). Этот обычай С.Э. Зубов объединяет в одну линию развития с находками нижних челюстей и скоплений зубов лошадей в насыпях курганов Шиповского, Кипчаковского I и Писеральского, черепов и костей конечностей (?) – в межмогильном пространстве Кушулевого III и Камышлы-Тамакского могильников (Зубов, 2011, с. 99), но предлагаемый им набор аналогий представляется искусственно заузненным. Традиции совершения разного рода манипуляций с черепами лошадей были чрезвычайно широко распространены в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы на протяжении всего РЖВ. Кроме упомянутых С.Э. Зубовым случаев, жертвенно-поминальные комплексы в виде остатков лошадей (в том числе черепов, челюстей и/или зубов) встречаются в заполнении погребений,

надмогильных сооружениях и межмогильном пространстве могильников ананьинской КИО (Чижевский, 2008, с. 57, 67, 75, 76, 82), в насыпях валов и на площадках ананьинских (Бугров и др., 1994, с. 97–98), пьяноборских (Бугров, 2006, с. 145) и дьяковских (Сыроватко, 2009, с. 82) городищ, в курганах лесостепного населения Подонья скифского (Савченко, 2001, с. 118) и сарматского времени (Медведев, 2008, с. 53, 56, 92, 94), а также у ранних сармат III–I вв. до н. э., главным образом приуральских (Скрипкин, 1997, с. 182).

Что же касается остатков коней из Андреевского кургана, то они идентифицируются как шкуры животных (Зубов, 2011, с. 20), и точных аналогий их анатомическому составу (череп и кости ног от копыт до пястей и плюсен включительно (Петренко А.Г., 1980) (пп. 25, 37–41), как вариант – только череп (п. 50–51)) и особенностям размещения в погребении (вытянуто в линию (череп – передние ноги – задние ноги) (пп. 25, 37–41), на заплечике (п. 50–51) или с разносом по глубине – ноги на дне могилы, череп выше в засыпи или на краю ямы (пп. 25, 37–41)) мы не знаем ни в предшествующих, ни в синхронных культурах. Они появляются здесь только в постандреевское время: аналогичный состав костей и их вытянутое размещение, часто в засыпи выше погребенных, известны на могильниках азелинской культуры в III – третьей четверти IV вв. н. э. (Старостин, 2009, с. 32–33); расположение остатков коня на уступе могильной ямы и размещение черепа выше остальных костей, часто на краю могилы – в могильниках безводнинского типа со второй четверти V в. (Краснов, 1980,

¹⁴ Очень схожая картина наблюдается в курганах Среднего Дона скифского времени (Либеров, 1965, с. 12, 14, табл. II; Савченко, 2001, с. 123).

с. 33–38; Грибов, 2018, с. 192). Генезис азелинских «конских комплексов» с большой долей вероятности связан с распространением на восток андреевских традиций; прямая преемственность между андреевскими и безводнинскими комплексами не столь очевидна (налицо хронологический разрыв, и в безводнинских могильниках преобладают захоронения целых конских туш или их крупных частей, в том числе в отдельных ямах).

Несколько замечаний в контексте погребального обряда следует сделать еще по трем пунктам из перечня С.Э. Зубова, отнесенным к категории погребального инвентаря (Зубов, 2011, с. 95):

5. *«Воинские трофеи»* из погребений Андреевка, 25/1 и 37, по словам С.Э. Зубова, позволяют «наметить пунктирной линией связь Андреевского кургана с Кипчаковским могильником». Основанием для этого ему служат находки обработанных фрагментов человеческих челюстей в межмогильном пространстве пп. 12 и 13 Кипчакова I и в слое городища Серёнькино (Зубов, 2011, с. 100; 2016, с. 28–29). Существенные отличия в выборе сырья для «трофеев» (верхние челюсти с небной костью в Андреевке, альвеолярный край верхней челюсти и тело нижней челюсти в Кипчаково I и Серёнькино), в способе их раскрытия (челюсть целиком в Андреевке, отдельные пластины в Кипчаково) и крепления (в Андреевке – через отверстие на месте выхода тройничного нерва, в Кипчаково – через «систему отверстий» просверленных сбоку), а также невозможность достоверно сравнить их функции, не позволяет, на наш взгляд, корректно обосновать существование преемственности.

Выбор аналогий на столь общих основаниях открывает слишком широкое поле для их поиска¹⁵: погребения отдельных черепов массово встречаются в могильниках ананьинской КИО¹⁶, единично – в пьяноборских и относительно широко – в азелинских могильниках Нижнего Прикамья и Марийского Поволжья (Чижевский, 2008, с. 35, 47, 63, 72; Старостин, 2009, с. 29); следы ритуальных(?) действий с черепом и нижними челюстями присутствуют на пьяноборском городище Тойгузино II (Бугров, 2006, с. 145, рис. 41), с черепом и костями посткраниального скелета – на дьяковских памятниках (Сыроватко, 2009, с. 81, прим.). При этом в собственно саргатских древностях подобных практик не зафиксировано. Попытка продлить «пунктирную линию» до Урала за счет находки фрагмента человеческой верхней челюсти из Игнatieвской пещеры (Зубов, 2011, с. 100; 2016, с. 29) неубедительна, поскольку означенный фрагмент происходит из 1-го горизонта раскопа IV (Чикишева, 1992, с. 198), состоящего из культурного слоя, переотложенного в неустановленное время от палеолита до XIX в. (Петрин, 1992, с. 96–97), привязка его к «слою раннего железного века» не подтверждается ни археологическим материалом (керамика РЖВ найдена только на склоне вне пещеры (Шорин, 1992, с. 201), межовская керамика, якобы «подстилающая слой»), в котором найден фрагмент (Зубов, 2016, с. 29), в рас-

¹⁵ Подобный поиск был выполнен С.Э. Зубовым в специальной статье (2016), к сожалению, не вышедшей за рамки перечисления прецедентов.

¹⁶ В том числе, и в Чурачикском могильнике (Каховский, 1964, с. 87).

копе IV отсутствует (Петрин, 1992, с. 96–100; Шорин, 1992, с. 198)), ни радиоуглеродным датированием (1-й горизонт раскопа IV не датирован по ^{14}C (Петрин, 1992, с.163)) и опирается в итоге исключительно на проводимую В.Т. Петриным аналогию с «трофеями» из Андреевского кургана (Петрин, 1992, с.7)¹⁷.

6. Оружие, в данном случае – наконечники копий и дротиков, в рассматриваемом контексте интересны не самим фактом их наличия в погребениях АПТ и не «генетической связью» с различными культурами II в. до н. э. – III в. н. э. (Зубов, 2011, с. 103–104), а обычаем помещать в могилу два экземпляра древкового оружия (копье и дротик или два копья), имеющим место как в ранних погребениях АПТ (Андреевка, 25/1, 25/2, Старое Ардатово (рис. 3: 1, 2, 4)), так и в поздних (Андреевка, 52 (рис. 3: 3) и 17/48 (Гришаков, Зубов, 2009, с. 15–16; Степанов, 1980, с. 21, табл. 30: 4; 42: 14)). Подобная традиция не характерна ни для одной из «восточных» культур, привлекаемых С.Э. Зубовым для сравнения (например, из упомянутых им 108 погребений с наконечниками копий из Охлебининского могильника (Зубов, 2011, с. 103–104) ни одно не содержит более

одного экземпляра)¹⁸. Концентрация погребений с двумя и более предметами древкового оружия наблюдается в могильниках Среднего Подонья скифского времени (V–III вв. до н. э.) (рис. 3: Б); находки двушипных наконечников дротиков здесь аномально многочисленны даже по сравнению с другими группами «скифоидных» памятников лесостепи (Савченко, 2004, с. 174–175), а часть наконечников копий имела футляры из ткани и кожи (там же, с. 169) – ср.: Андреевка, 25/1 и 54. Два случая помещения в погребение двух наконечников копий зафиксированы в упомянутых выше верхнедонских могильниках сарматского времени (Медведев, 1990, с. 123, рис. 38: 1, 2; Бирюков, 2007, с. 175, рис. 3: 1, 2).¹⁹

7. Наличие рабов, вождей и зависимых людей интересно нам только с точки зрения пространственной ор-

¹⁸ Информация по: Пшеничнюк А.Х., Воробьева С.Л. Охлебининский могильник кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н. э. – III в. н. э.). Уфа, 2016. 410 л. [Рукопись]

¹⁹ Еще один ареал массового распространения погребений с двумя и более наконечниками древкового оружия – пшеворская культура, где такие погребения появляются еще в I в. до н. э. и достигают максимума к ступени B2b (пер. пол. II в. н. э.), составляя до 70% погребений с оружием (Kontny, 2008, p. 110, diagram 2). Однако пытаться напрямую связать пшеворскую и андреевскую традиции затруднительно ввиду их значительной географической удаленности, кардинальных различий в погребальном обряде (у пшеворцев господствует кремация и обычай деформировать (сворачивать, сгибать) оружие перед помещением в погребение), а также чревато опасностью спровоцировать появление в литературе очередной терминологической химеры, вроде «финно-лугиев» или «вандало-мордвы».

¹⁷ Следует отметить, что Игнatieвская пещера – не единственный на Южном Урале случай обнаружения человеческих останков (в том числе черепов), «часто со следами преднамеренного антропогенного воздействия, например, рубки» в контексте пещер с настенной росписью, и во всех этих случаях культурно-хронологическая привязка останков невозможна до проведения радиоуглеродного анализа (Житенёв, 2011).

ганизации коллективных погребений. Это касается все в того же погребения Андреевка, 25, в котором п. 25/1 интерпретируют как «вождя», пп. 25/2 и 3 – как «спутников вождя», п. 25/4 – как «раба» (Степанов, 1980, с. 45–46; Зубов, 2016, с. 29–31); «подчиненное значение» еще трех захоронений (пп. 23, 39, 51) (Гришаков, Зубов, 2009, с. 16) неочевидно. Захоронения, подобные Андреевке, 25, не характерны для саргатской культуры. Коллективные погребения составляют там по разным оценкам от 5 до 12%, в основном это «семейные» захоронения (взрослый и ребенок, мужчина и женщина) (Корякова, 1977, с. 145–146; 1988, с. 49–50; Матвеева Н.П., 1993, с. 136). Основным видом погребений зависимых людей (прислуга, рабы?) для среднесаргатского периода (хроногруппы С и D по Н.П. Матвеевой, II в. до н. э. – II в. н. э.) и в целом для культуры считаются индивидуальные безынвентарные захоронения во рвах курганов без соблюдения традиций погребального обряда (Матвеева Н.П., 2000, с. 171, 173, 185); единственное погребение зависимого лица, впущенное в могилу военного вождя, относится уже к позднесаргатскому этапу (Там же, с. 185). Аналогии составу и расположению погребенных в Андреевке, 25 можно обнаружить у лесостепного «скифоидного» населения Правобережной среднеднепровской и Ворсклинской групп в V–IV вв. до н. э. (Петренко В.Г., 1989, с. 69, 75, табл. 19: 5, 9, 10, 13) и у степных скифов в IV в. до н.э. (Мелюкова, 1989, с. 58–59; Ольховский, 1991, с. 100–101). Здесь в аристократических захоронениях вместе с основным покойником хоронили нескольких «сопровождающих», большинство из

них снабжалось инвентарем, некоторые («оруженосцы») – весьма богатым (ср.: Андреевка, 25/2-3); нередко «сопровождающие» костяки располагались в ногах основного перпендикулярно ему (ср.: Андреевка, 25/4).

Из вышесказанного видно, что комплекс элементов погребального обряда, характерных для могильников АПТ, в чистом виде и полностью не повторяется ни в одной из синхронных или предшествующих культур степной и лесостепной зон Восточной Европы и Западной Сибири. Ситуация усугубляется значительными различиями в погребальном обряде самих памятников АПТ: Андреевка представляет собой сложно организованный многослойный курган-кладбище (к. 1) и курган-жертвенное место(?) (к. 2), Старое Ардатово – одиночное подкурганное захоронение, Писералы – несколько небольших курганов без крупных центральных погребений и с расположением периферийных погребений вокруг центрального, Климкино – кургано-грунтовый могильник с рядным расположением простых грунтовых могил, Пильна – грунтовые погребения. Списать эти различия на хронологию не всегда возможно, поэтому сложно вообще говорить о сколь угодно единой системе погребальной обрядности памятников АПТ. Тем не менее, даже на столь неоднородном материале можно заметить, что большинство маркеров сходства погребений АПТ с саргатскими курганами и «производным» от них Кипчаковским I могильником, обозначенных С.Э. Зубовым, основаны на ошибочных или неточных аналогиях или имеют настолько широкие географические и хронологические рамки бы-

тования, что не могут быть связаны исключительно с саргатской культурой. Как следствие, сама «восточная» концепция генезиса древностей АПТ под воздействием «саргатского военного выплеска» приобретает не менее умозрительный характер, чем обвиняемая в декларативности «западная» версия андреевско-писеральского культуругенеза.

На наш взгляд, основной набор признаков погребального обряда центрального погребения Андреевского кургана (курганная насыпь, размер и внутреннее устройство могилы, ориентировка погребенных) и некоторые специфические его детали (количество и взаиморасположение погребенных, комплектность и размещение отдельных категорий инвентаря – наконечников копий и дротиков) отсылают нас, с одной стороны, к традициями населения скифского времени восточноевропейской лесостепи, в первую очередь – Среднедонской группы, а с другой – к верхнедонским могильникам позднесарматского времени, где аналогичные детали погребального обряда расцениваются

как реминисценция традиций среднедонской культуры скифского времени у сарматизированного населения Верхнего Подонья (Медведев, 1990, с. 197–199; 2008, с. 105–107). Казалось бы, этому противоречит хронологический разрыв между финалом «скифоидных» культур на рубеже IV–III вв. до н. э. (на Среднем Дону – в начале III в. до н. э.) и верхнедонскими могильниками II–III вв. н. э., характеризующийся полным отсутствием на Дону погребальных памятников «скифской традиции» (Бирюков, 2007, с. 180) и приходящийся как раз на время появления памятников АПТ. С другой стороны, контакты между населением Подонья и Среднего Посурья имеют весьма давние традиции: В.Н. Марков, опираясь на материалы Чурачикского могильника, считал, что скифоидное население Среднего Дона могло проникнуть в Посурье еще в позднеананьинское время (Марков, 1994, с. 80–81). Как памятник «с элементами погребального обряда донских скифов» рассматривают Чурачикский могильник и С.В. Кузьминых и А.А. Чижевский (2015, с. 50).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А.* К вопросу о городцево-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае / АЭМК. Вып. 1 / Ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1976. С. 27–37.
2. *Архипов Г.А., Шадрин А.И.* Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 24 / Науч. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. С. 110–129.
3. *Бирюков И.Е.* Новые раскопки Ново-Никольского могильника на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, СПб.: РИЦ ЛГПУ, 2007. С. 174–184.
4. *Бугров Д.Г.* Поселения пьяноборской культуры в Иско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 350 с.
5. *Бугров Д.Г., Вязов Л.А., Ситдинов А.Г.* Всероссийская научная конференция «I Старостинские чтения» // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 351–355.
6. *Бугров Д.Г., Руденко К.А., Халиков А.Х.* Укрепления Сорочьегогорского городища // Памятники древней истории Волго-Камья / Вопросы археологии Татарстана. Вып. 1 / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 93–103.

7. *Васильев И.Б.* Сарматский курган на северо-западе Башкирии // СА. 1973. № 4. С. 249–251.
8. *Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Ист.-социол. ин-т Мордовского гос. ун-та им. Н.П. Огарева, 2000. 132 с.
9. *Генинг В.Ф.* История населения удмуртского Прикамья в пьноборскую эпоху. Ч. II / Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н. э. – II в. н. э.) / ВАУ. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.
10. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.
11. *Голдина Р.Д., Лецинская Н.А.* О пьноборской культурно-исторической общности // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 17–55.
12. *Гречко Д.С.* Погребальные сооружения восточноевропейской Лесостепи скифского времени: вариант типологии // Древности 2009. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: ООО «НТМТ», 2009. С. 57–68.
13. *Грибов Н.Н.* Подвьязевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.) // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 191–199.
14. *Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.
15. *Житенёв В.С.* Антропологические материалы из южно-уральских пещерных памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы // Палеолит и мезолит Восточной Европы. Сборник статей в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.: ИА РАН, 2011. С. 462–477.
16. *Зеленев Ю.А.* Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев / АЭМК. Вып. 14 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1988. С. 79–86.
17. *Зубов С.Э.* Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 136 с.
18. *Зубов С.Э.* Декапитация и воинские трофеи в погребальной обрядности памятников раннего железного века Волго-Уралья. К постановке проблемы // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века. Мат-лы IV Всеросс. научн. конференции / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т, 2016. С. 28–36.
19. *Зубов С.Э.* История изучения памятников писеральско-андреевского типа // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 9–16.
20. *Зубов С.Э.* К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. С. 44–51.
21. *Каховский В.Ф.* Чурачакский могильник // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах / Уч. зап. ЧувНИИЯЛИЭ. Вып. XXV / Отв. ред. В.Д. Дмитриев. Чебоксары: б/и, 1964. С. 73–98.
22. *Корякова Л.Н.* Ансамбль некрополя саргатской культуры (статическая характеристика) // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири / Отв. ред. В.Е. Стоянов / ВАУ. Вып. 14. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 134–151.
23. *Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 241 с.

24. *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.
25. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Финал бронзового и ранний железный век на северо-востоке Европы: культурогенез, границы и контакты археологических культур // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: Сб. статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2015. С. 44–54.
26. *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону / САИ. Вып. Д1-31. М.: Наука, 1965. 111 с.
27. *Марков В.Н.* Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 48–88.
28. *Матвеев А.В., Матвеева Н.П.* Будет ли решена загадка «плющеного золота» сибирских «бугров»? // Древние погребения Обь-Иртышья / Отв. ред. В.А. Матющенко. Омск: Омск. ун-т, 1991. С. 84–98.
29. *Матвеева Г.И.* К вопросу об основных компонентах формирования культуры Андреевского кургана // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Е. Алиховой / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПГПИ, 2003. С. 286–293.
30. *Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1986. С. 158–171.
31. *Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
32. *Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
33. *Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
34. *Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. 220 с.
35. *Медведев А.П.* Исследования по археологии и этногеографии Лесостепной Скифии. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. 144 с.
36. *Медведев А.П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
37. *Мелюкова А.И.* Скифские памятники Северного Причерноморья // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР в 20 т. / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 51–67.
38. *Михеев А.В.* Климкинский могильник (по материалам исследований 2003–2004 гг.) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АНРТ, 2009. С. 81–91.
39. *Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР в 20 т. / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 177–191.
40. *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
41. *Петренко А.Г.* Результаты определения костных останков лошадей из кургана у с. Андреевка Большеигнатовского района Мордовской АССР // Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. С. 107.
42. *Петренко В.Г.* Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология

СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 67–80.

43. *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская изд. фирма, 1992. 207 с.

44. *Погодин Л.И., Труфанов А.Я.* Могильник саргатской культуры Исаковка-III // Древние погребения Обь-Иртышья / Отв. ред. В.А. Матюшенко. Омск: Омск. ун-т, 1991. С. 98–127.

45. *Пиеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.

46. *Савченко Е.И.* Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2001. С. 53–143.

47. *Савченко Е.И.* Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 151–277.

48. *Сергацков И.В.* Анализ сарматских погребальных памятников I–II вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III: Среднесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост. лит-ра, 2002. С. 22–129.

49. *Скрипкин А.С.* Анализ сарматских погребальных памятников III–I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. С. 131–212.

50. *Смирнов К.А.* О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго-Донья: материалы научной конференции / Отв. ред. А.З. Винников. Пенза: Поволжье, 1992. С. 3–6.

51. *Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР в 20 т. / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 165–177.

52. *Ставицкий В.В.* Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3 (27). С. 126–141.

53. *Ставицкий В.В.* Западный и восточный импульсы в формировании культуры андреевско-писеральского населения // *Filo Ariadne*. 2017a. № 1 (5). URL: <http://filoariadne.esrae.ru/pdf/2017/1/132.pdf> (дата обращения: 20.07.2018 г.)

54. *Старостин П.Н.* Рождественский V могильник // Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.

55. *Степанов П.Д.* Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1980. 108 с.

56. *Сыроватко А.С.* Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: Изд-во CheBuk, 2009. 351 с.

57. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1962. С. 7–187.

58. *Халиков А.Х.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1986. С. 73–89.

59. *Халиков А.Х.* Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском Правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып. 12. / Отв. за вып. Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 8–24.

60. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исто-

рические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 171 с.

61. Чикишева Т.А. Антропологические остатки из Игнatieвской пещеры // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская изд. фирма, 1992. С. 197–198.

62. Шорин А.Ф. Археологические материалы позднего времени (бронзовый век – средневековье) из Игнatieвской пещеры // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская изд. фирма, 1992. С. 198–205.

63. Kontny B. The war as seen by an archaeologist. Reconstruction of barbarian weapons and fighting techniques in the Roman Period based on the analysis of graves containing weapons. The case of the Przeworsk Culture. In: Kocsis L. (ed.) *The Enemies of Rome. Proceedings of the 15th International Roman Military Equipment Conference, Budapest 2005* / *Journal of Roman Military Equipment Studies*. Vol. 16. 2008. pp. 107–145.

Информация об авторах:

Бугров Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shikhan66@mail.ru

Мясников Николай Станиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); myasnikovn@rambler.ru

SOME ISSUES IN DEFINING “ETHNIC AND CULTURAL COMPONENTS” OF THE ANDREEVKA-PISERALY TYPE OF SITES: BURIAL RITE

D.G. Bugrov, N.S. Miasnikov

The authors consider the issue of the genesis of the Andreevka-Piseraly type of sites. The existing concepts are limited to the interaction of two “ethnic and cultural components” (or component groups) – “local” and “foreign”. The origin of the latter has been associated with the Sarmatians for a long period of time. The “Sarmatian” hypothesis was subjected to fair criticism by G.I. Matveeva and S.E. Zubov. The alternative concept of a Trans-Urals (Sargatka) “military outbreak” proposed by S.E. Zubov as a basis for the establishment of Andreevka-Piseraly sites is based on the similarity of the burial rite practiced at Sargatka and Andreevka sites and is presently considered as a commonly recognized concept. According to the authors, this is largely due to a lack of detailed criticism of its provisions. An attempt to verify the arguments in favor of this concept demonstrated that the majority of the drawn analogies are inaccurate, erroneous, or propagated to such a degree that they cannot be exclusively associated with the Sargatka culture. A possible alternative to the “Sargatka military outbreak” proposed by the authors is a working hypothesis concerning the establishment of the considered Andreevka-Piseraly burial rite elements as result of development or reminiscence of traditions associated with the population of the Upper and Middle Don region in the Scythian and Sarmatian periods.

Keywords: archaeology, the Middle Volga region, final Early Iron Age, Andreevka-Piseraly type of monuments, genesis, cultural components, burial rite.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1976. In Nikitin, V. V. (eds.). *Drevnie i sovremennye protsessy v Mariiskom krae (Ancient and Present-Day Processes in the Mari Region)*. Series: Arkheologija i etnografija

Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 1. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 27–37 (in Russian).

2. Arkhipov, G. A., Shadrin, A. I. 1995. In Nikitin, V. V. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Srednego Povolzh'ia* (New Materials on the Archaeology of the Middle Volga Region). Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 24. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography Institute 110–129 (in Russian).

3. Biriukov, I. E. 2007. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik* (Upper Don Archaeological Collected Articles) 3. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 174–184 (in Russian).

4. Bugrov, D. G. 2006. *Poseleniya p'yanyoborskoy kul'tury v Iksko-Bel'skom mezhdurech'e* (Settlements of the Pyany Bor Culture in the Iksa-Bel Interfluve). PhD Diss. Kazan (in Russian).

5. Bugrov, D. G., Vyazov, L. A., Sitdikov, A. G. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) (3), 351–355 (in Russian).

6. Bugrov, D. G., Rudenko, K. A., Khalikov, A. Kh. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia* (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region). Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 93–103 (in Russian).

7. Vasil'ev, I. B. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (4), 249–251 (in Russian).

8. Vikhliaev, V. I. 2000. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoi kul'tury* (Origins of the Ancient Mordovian Culture). Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev (in Russian).

9. Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu*. Ch. II. *Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoi kul'tury* (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD)) In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).

10. Goldina, R. D. 1999. *Drevniia i srednevekaia istoriia udmurtskogo naroda* (Ancient and Medieval History of the Udmurt People). Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

11. Goldina, R. D., Leschinskaya, N. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 1. 17–55 (in Russian).

12. Grechko, D. S. 2009. In *Drevnosti 2009* (Antiquities 2009). Kharkov: Kharkov Historical and Archaeological Society, 57–68 (in Russian).

13. Gribov, N. N. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 1. 191–199 (in Russian).

14. Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy* (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe). Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (Archaeology of the Eurasian Steppes) 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

15. Zhitenev, V. S. 2011. In Gavrilov, K. N. (ed.). *Paleolit i mezolit Vostochnoy Evropy. Sbornik statey v chest' 60-letiya Khizri Amirkhanovicha Amirkhanova* (Palaeolithic and Mesolithic of Eastern Europe. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Khizri Amirkhanovich Amirkhanov). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences 462–477 (in Russian).

16. Zeleneev, Yu. A. 1988. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Etnogenez i etnicheskaia istoriia mariitsev* (Ethnic Genesis and Ethnic History of the Mari People). Series: *Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia* (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 14. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 79–86 (in Russian).

17. Zubov, S. E. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh* (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries). *Migrational Processes in the New Ethno-Cultural Milieu, by the Archaeological Data*). Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).

18. Zubov, S. E. 2016. In Grishakov, V. V. (ed.). *Povolzhskie finny i ikh sosedi v drevnosti i srednie veka. Mat-ly IV Vseross. nauchn. konferentsii (Palaeolithic and Mesolithic of Eastern Europe. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Khizri Amirkhanovich Amirkhanov)*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 28–36 (in Russian).
19. Zubov, S. E. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 9–16 (in Russian).
20. Zubov, S. E. 1999. In Arsent'ev, N. M. (ed.). *Issledovaniia P. D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy sovremennosti (P. D. Stepanov's Studies and Modern Ethnic-Cultural Processes)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev, 44–51 (in Russian).
21. Kakhovskii, V. F. 1964. In Dmitriev, V. D. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v Chuvashskoy ASSR v 1958–1961 godakh (Archaeological excavations of 1958–1961 in the Chuvash ASSR). Uchenye zapiski ChuvNIIYaLIE (Scientific Bulletin of the Chuvashia Research Institute of Language, Literature, History, and Economy)* 25. Cheboksary. 73–98 (in Russian)
22. Koriakova, L. N. 1981. In Stoianov, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of Archaeology of Ural)* 14. Sverdlovsk, 134–151 (in Russian).
23. Koriakova, L. N. 1988. *Ranniy zhelezniy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura) (The Early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture))*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
24. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskiy mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
25. Kuz'minykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2015. In Tishkin, A. A. (ed.). *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: Sb. statey, posvyashhenniy 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina (Archaeology of Western Siberia and the Altai Mountains: Interdisciplinary Research Experience: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor Yu.F. Kiryunin)*. Barnaul: Altai State University, 44–54 (in Russian).
26. Liberov, P. D. 1965. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-31. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
27. Markov, V. N. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 48–88 (in Russian).
28. Matveev, A. V., Matveeva, N. P. 1991. In Matyushhenko, V. A. (ed.). *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtys'ha (Ancient Burials in the Ob-Irtys'ha Region)*. Omsk: Omsk University, 84–98 (in Russian).
29. Matveeva, G. I. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitskii, V. V. (eds.). *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 286–293 (in Russian).
30. Matveeva, G. I. 1986. In Matveeva, G. I. (ed.). *Kul'tury Vostochnoi Evropy I tysiacheletii (Cultures of Eastern Europe of I Millennium)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 158–171 (in Russian).
31. Matveeva, N. P. 1993. *Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole. Novosibirsk (Sargatka Culture in the Middle Tobol Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Matveeva, N. P. 1994. *Ranniy zhelezniy vek Priishim'ia (Early Iron Age in the Ishim River Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
33. Matveeva, N. P. 2000. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) (Social and Economic Structures of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age (Forest-Steppe and Sub-Boreal Forest Areas))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
34. Medvedev, A. P. 1990. *Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ia) (Sarmatians and Forest-Steppe Zone (by materials from the Don River Region))*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

35. Medvedev, A. P. 2004. *Issledovaniya po arkheologii i etnogeografii Lesostepnoy Skifii (Studies on the Archaeology and Ethnogeography of the Forest-Steppe Scythia)* Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
36. Medvedev, A. P. 2008. *Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa (The Sarmatians in the Upper Reaches of the Tanais)*. Moscow: "Taus" Publ., 2008. 252 s.
37. Meliukova, A.I. 1989. In Meliukova, A.I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 51–67 (in Russian).
38. Mikheev, A. V. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniya i srednevekovaia arkheologiya Volgo-Kamya (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 81–91 (in Russian).
39. Moshkova, M. G. 1989. In Meliukova, A. I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 177–191 (in Russian).
40. Ol'khovskiy, V. S. 1991. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII–III vv. do n.e.) (Burial and Commemorative Rites of the Population of Steppe Scythia (7th – 3rd Centuries B.C.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
41. Petrenko, A. G. 1980. In Stepanov, P. D. *Andreevskii kurgan. K istorii mordovskikh plemen na rubezhe nashei ery (Andreevka Burial Mound. On History of Mordovian Tribes at the Turn of the Common Era)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 107 (in Russian).
42. Petrenko, V. G. 1989. In Meliukova, A. I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 67–80 (in Russian).
43. Petrin, V. T. 1992. *Paleoliticheskoe svyatilishhe v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
44. Pogodin, L. I., Trufanov, A. Ya. 1991. In Matyushhenko, V. A. (ed.). *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya (Ancient Burials of the Ob-Irtysh Region)*. Omsk: Omsk University, 98–127 (in Russian).
45. Pshenichniuk, A. Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Iuzhnogo Urala. (Culture of the Early Nomads of the Southern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
46. Savchenko, E. I. 2001. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoj arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don (Former Potudan) Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 53–143 (in Russian).
47. Savchenko, E. I. 2004. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoj (b. Potudanskoj) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don (Former Potudan) Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 151–277 (in Russian).
48. Sergatskov, I. V. 2002. In Moshkova, M. G. (ed.). *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoj Sarmatii. Vyp. III: Srednesarmatskaya kul'tura (Statistical Processing of the Burial Monuments of Asian Sarmatia. Issue III: Middle Sarmatian Culture)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ., 22–129 (in Russian).
49. Skripkin, A. S. 1997. In Moshkova, M. G. (ed.). *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoj Sarmatii. Vyp. II: Rannesarmatskaya kul'tura (IV–I vv. do n.e.) (Statistical Processing of the Burial Monuments of Asian Sarmatia. Issue II: Early Sarmatian Culture (4th – 1st cc. B.C.))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 131–212 (in Russian).
50. Smirnov, K. A. 1992. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Voprosy etnicheskoj istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza: "AO «Povolzh'e»" Publ., 3–6 (in Russian).

51. Smirnov, K. F. 1989. In Meliukova, A. I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 165–177 (in Russian).
52. Stavitskii, V. V. 2013. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia)* 3, 126–141 (in Russian).
53. Stavitskii, V. V. 2017. In *Filo Ariadne (Filo Ariadne)* 1(5). Available at: <http://filoariadne.esrae.ru/pdf/2017/1/132.pdf> (accessed: 20.07.2018 г.) (in Russian).
54. Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 19. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
55. Stepanov, P. D. 1980. *Andreevskii kurgan. K istorii mordovskikh plemen na rubezhe nashei ery (Andreevka Burial Mound. On History of Mordovian Tribes at the Turn of the Common Era)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
56. Syrovatko, A. S. 2009. *Yugo-vostochnoe Podmoskov'e v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov dyakovskoy kul'tury (South-Eastern Moscow Area in the Iron Age: Characterization of the Local Variations of the Dyakovo Culture)*. Moscow: "CheBuk" Publ. (in Russian).
57. Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: *Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).
58. Khalikov, A. Kh. 1986. In Matveeva, G. I. (ed.). *Kul'tury Vostochnoi Evropy I tysiacheletia (Cultures of Eastern Europe of I Millennium)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 73–89 (in Russian).
59. Khalikov, A. Kh. 1987. In Solov'ev, B. S. (ed.). *Drevnosti Volgo-Viatskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Volga and Vyatka Interfluvies Area)*. Series: *Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land)* 12. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History I, 8–24 (in Russian).
60. Chizhevsky, A. A. 2008. *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
61. Chikisheva, T. A. 1992. In Petrin, V. T. *Paleoliticheskoe svyatilishhe v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 197–198 (in Russian).
62. Shorin, A. F. 1992. In Petrin, V. T. *Paleoliticheskoe svyatilishhe v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 198–205 (in Russian).
63. Kontny B. 2008. In: Kocsis L. (ed.) *The Enemies of Rome. Proceedings of the 15th International Roman Military Equipment Conference, Budapest 2005 / Journal of Roman Military Equipment Studies*. Vol. 16.

About the Authors:

Bugrov Dmitriy G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; shikhan66@mail.ru

Myasnikov Nikolai S. Candidate of Historical Sciences. Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences. Moskovsky Ave., 29, build. 1, Cheboksary, Russian Federation; myasnikovn@rambler.ru

Статья поступила в номер 24.06.2018 г.